

УДК 81'42

ПОВЕСТЬ АНАТОЛИЯ СВЕТЛАНСКОГО «БЕГСТВО ИЗ РАЯ»:

ТЕМА-РЕМАТИЧЕСКАЯ СВЯЗНОСТЬ ТЕКСТА

Жамсаранова Р. Г., Ким Н. В.

ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет»,

Чита, Россия

E-mail: rebeca_zab@mail.ru, natkim_4768@mail.ru

Статья посвящена одному из направлений дискурсивного анализа текста – семантическому аспекту, а именно вербализации тема-рематической связности текста. Автор анализируемой повести «Бегство из рая» – писатель восточной ветви русской эмиграции Анатолий Светланский. Макротема (бегство) и макрорема (из рая) заданы уже в названии повести, в зачине, и делятся на составляющие микротемы и микрорема, которые постоянно переплетаются, сохраняя при этом основную макротему и макрорема. Из пяти частотных тема-рематических связей художественного текста мы видим в повести ступенчатую структуру, называемую инкорпорированием, где рема по ходу повествования становятся последующими темами, поэтому все микротемы имеют рематическую природу. Для раскрытия идеи произведения и для тема-рематической связности повествования автор использует пять текстообразующих категорий: участники события, событие, место, время, пространство, оценка. Разного рода повторы: полные, парадигматические, деривационные, синонимические, антонимические, грамматические не приводят к тавтологии, а, наоборот, к семантическому разнообразию, способствуют формированию коннекторных рядов макротемы и макрорема, усиливают концентрацию мысли, раскрывают интенцию автора. Фундаментальные для русской языковой картины мира концепты «Родина», «Бог», «Человек», «Судьба», «Добро», «Зло», «Вера», «Надежда», «Любовь», «Изгнание», «Бегство», «Тоска», «Горе» связывают текст в единое целое, позволяют постичь эстетический смысл текста повести и понять художественный мир и идиостиль автора.

Ключевые слова: дискурсивный анализ, тема-рематическая связность, вербализация, тема, рема, инкорпорирование, бегство, рай.

ВВЕДЕНИЕ

Теоретические основания дискурсивного анализа текста были заложены на рубеже 70-х годов прошлого столетия, когда, вслед за работами русского фольклориста Владимира Проппа по исследованию русских сказок, стали появляться статьи, служащие примером структурного подхода к связному повествованию. В этом русле многие исследования связного текста проводились на стыке таких разделов языкознания как стилистика, грамматика, поэтика.

Со временем, в связи с нуждами новейших лингвоантропологических дисциплин, например когнитивной лингвистики, психолингвистики, возникла необходимость перестройки структурного подхода к связному тексту по причине не только понимания, но и восприятия текста с учетом соотношения памяти и дискурса.

Таким образом, основной задачей смены парадигмы изучения связного текста стала проблема моделирования знаний о мире, обществе или человеке, необходимых, например, для понимания повести или рассказа.

Известно, что современная теория дискурса, дискурс-анализа текста, равно как и сам термин «дискурс», возникла ещё во времена античной риторики. В середине 60-х годов XX века в рамках такого направления, как лингвистики текста, возникла как ее продолжение самостоятельная область знаний, получившая интенсивное развитие – теория дискурса. Это был период, совпавший с периодом «выхода» лингвистики за рамки изучения изолированного высказывания (предложения) и «перехода» к анализу синтагматической цепи высказываний, образующих текст. Исследовательский интерес к тексту, таким образом, возник первоначально в рамках лингвистики текста. Некоторые лингвисты называют «язык в действии», «акт речи», текст связной речи дискурсом, подразумевая под ним пересказ [12, p.1].

Согласно теории представителей немецкой школы критического анализа дискурса, «язык не только отображает социальные процессы и социальное взаимодействие, но и конституирует их. Дискурс всегда историчен, т. е. он всегда синхронически и диахронически связан с коммуникативными событиями, происходящими в настоящий момент или происходившими прежде» (Р. Водак и др.).

Известно, что конституирующими свойствами текста являются целостность, связность (когерентность и когезия), законченность, структурность, членимость, информативность, интертекстуальность и др. Интерес к изучению текста был обусловлен антропоцентрической парадигмой современной лингвистики, ставящей в центр внимания и изучения носителя языка, порождающего и воспринимающего текст желанием объяснить язык как важнейшее средство коммуникации, более глубоко исследовать разносторонние, порой неуловимые связи языка с различными сторонами человеческой деятельности, реализуемыми, в том числе, и посредством связного текста.

Свое внимание в данной статье мы сфокусируем на одном из направлений лингвистики текста, а именно семантическом аспекте. Известно, что семантический аспект любой информации – это характеристика информации с точки зрения ее

смысла, содержания. Проблема адекватного восприятия (и передачи также) заключается в условном «совпадении» тезаурусов знаний, например, создателя текста, адресанта, и читателя, адресата. М. М. Бахтин подчёркивал: «Событие жизни текста, т.е. его подлинная сущность, всегда развивается на рубеже двух сознаний, двух субъектов» [1, с. 229].

При условии соответствия информации связного текста в определенной мере тезаурусу знаний читателя как реципиента информации возникает восприятие, если же преобладает разность тезаурусов, автор текста и читатель не поймут друг друга. При полном совпадении сообщения с тезаурусом получателя оно не воспринимается как новая информация.

«Под семантической структурой текста понимается ассоциативно-семантическая сеть, отражающая связи и отношения между реализованными в тексте лексическими и грамматическими значениями слов, фразеологизмов, предложений» [2, с. 362].

Исследование семантики информации связано с теорией смыслового членения предложения, названного актуальным членением предложения основателем Пражской школы функциональной лингвистики В. Матезиусом. Исследователями был установлен порядок актуального членения высказывания, порядок слов в предложении, в последнее время – и в тексте.

План содержания органично связан с проблемой связности текста, когда возникает вопрос об актуальности членения смысла информации. Характер соотнесенности компонентов актуального членения с компонентами информационной структуры дискурса обусловлен и вербализован в виде *темы* и *ремы*. Сообщаемое (*рема*) обычно соотносится с той информацией, о которой еще не было речи в текущем дискурсе, и называется неактивированным (новым). Естественно сообщать то, что для слушающего ново. А тема обычно включает то, о чем только что шла речь, что в теории дискурса называют активированным (данным, старым). Активация относительна: она угасает по мере удаления текущей точки дискурса от активированных вещей, если они не реактивируются.

В данной статье представлен анализ вербализации тема-рематической связности повести А. Светланского «Бегство из рая», взятой из последнего тома «Сладкое или горькое» десятитомника «Литература русских эмигрантов в Китае, выпущенного в 2005 году в г. Пекине в издательстве «Китайская молодёжь». Главным составителем данного издания является профессор Цицикарского университета, член Союза писателей России, заместитель председателя правления Амурской областной общественной писательской организации, доктор Воронежской технологической академии, кавалер Ордена Дружбы России Ли Янлен (Ли Яньлин). В десятитомнике собраны произведения почти 100 русских литераторов-эмигрантов, проживавших и творивших в Китае в прошлом столетии.

Среди них есть и известные во всем мире и уже в России – Николай Байков, Валерий Перелешин, Ларисса Андерсен, Арсений Несмелов, Петр Северный, Лидия Хаиндрова, Елена Недельская, но большая часть писателей (как А. Светланский) и поэтов не известна даже русскому читателю и сейчас постепенно возвращается на родину.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Текст повести русского эмигрантского писателя-прозаика в Китае Анатолия Светланского «Бегство из рая» представляет собой монологический дискурс с элементами диалогического. В данном случае берётся одно из многих значений термина – «Дискурс – речевое произведение как данность – письменная или устная» [10, с. 467].

Повествование ведётся от первого лица, беженца Виктора Ивановича, который рассказывает собравшимся вокруг костра на берегу Сунгари русским эмигрантам о том, как он бежал из СССР в Китай, каким опасным и тяжелым был этот путь. Монолог временами прерывается вопросами, эмоциональными репликами, междометиями, оценками слушателей.

Макротема задана уже в заглавии – бегство. Выбор именно этой темы определяется степенью её актуальности для А. Светланского. В этой *макротеме* заключен весь смысл художественного текста повести, вся его суть. «Под *темой*

понимается смысловое ядро текста, конденсированное и обобщённое содержание текста» [9, с. 17].

Автор следует ей на протяжении всего повествования, она пронизывает весь текст и указывает на основное событие, на данность – бег героя. *Макротема* членится на пять *микротем*, составляющих один коннекторный ряд основной темы, который оформляется средствами когезии (повторами). Поскольку монолог главного героя не раз переходит в диалог, в ответы на поставленные вопросы, в дополнения по теме разговора, в обмен мнениями, в оценки событий, то и *микротемы* постоянно переплетаются, чередуются. Каждая *микротема* раскрывает всё больше смысл основной, сквозной темы, обогащает её, дополняет, конкретизирует и развёртывает в логической последовательности. Хотя автор и делит *макротему* на составляющие, текст повести, тем не менее, является *монотематическим*.

Выделяемые *микротемы*: 1. Причины бегства героя и всех беженцев; 2. Сам процесс бегства; 3. Гонители, преследователи беженцев; 4. Проводники и помощники беженцев; 5. Судьба беженцев.

Выделяемые *микротемы* как составные элементы *макротемы бегство* вербализованы следующими текстами:

Причины бегства из большевистского «рая» – «спастись, живым остаться... пожить бы ещё немного... ужасы творятся... люди уничтожаются любыми мерами и способами... расстреливают, убивают, арестуют, во вредители запишут... сошлют... увозили в ссылку... на северá... на Соловках умереть пришлось бы... отняли всё нажитое... ограбили всё... сплошное мучение...» и т.д. [6].

Сам процесс бегства – «Бежал я... Было жутко и страшно, что нагонят... то поднимались, то опускались... Падал я бесчисленно раз... Спуск был очень крутой... Я упал и покатился вниз...несколько раз ударился головой о камни... Мне сделалось дурно... Мне хотелось пить... я сметал снег... а потом клал его в рот.... Проводник бежал, бежал и я... Верёвка порвалась... я ринулся в каменистую пропасть... Нам надо бежать, сказал проводник... Не могу... я скоро умру...» и т.д [6].

Гонители, преследователи беженцев – «Большевистские главари... Антихристы... Убийцы... Большевики хотят уничтожить всё старое и насадить

новое... Советская власть... так называемое раскулачивание проделала и добрую половину всех крестьян выслала в отдаленные местности на север, на съедение мошке... А сколько бегут... Расстреливают их так много... На границе попадают. Из города тоже бегут: есть нечего и жить нельзя с людьми, у которых нет ничего хорошего в душе... Плохие люди... ничего нет у них человеческого... Злодеи... Разбойники... Известно ли вам, сколько этот погранотряд убил нашего брата – беженцев? Большевики – идола проклятые, хуже людоедов... Дикае люди, озверели... делают что хотят, а антихристу это и на руку...» и т.д. [6].

Очевидно употребление автором пейоративной лексики с целью порицания, неодобрения деяний большевиков. По мнению признанного русского лингвиста В. И. Карасика данную лексику можно классифицировать на различных основаниях. В повести А. Светланского пейоративные слова и словосочетания констатируют социальную опасность представителей советской власти, что и послужило причиной бегства из России нескольких миллионов людей и большого числа жертв среди оставшихся. По разным оценкам историков, исследователей, публицистов, писателей (И. А. Курганов, К. М. Александров, Р. А. Медведев, Б. С. Пушкарёв, А. И. Солженицын, О. А. Платонов и мн. др.), Россия потеряла в результате революционных преобразований – гражданская война, репрессии, коллективизация, ссылки, ГУЛАГ, голод, эмиграция – миллионы.

Проводники и помощники беженцев – «Здесь вот за Сунгари у добрых людей уголок нашёл... Мне люди помогали и у себя, на родине и здесь хорошо был принят... Мой проводник преподал мне инструкцию следования за ним... говорил он мало по-русски... поджидая меня, шепотом произнёс: «Ваши боли?» (Вам больно?) ... Плачи не надо... Я основательно устал. Проводник это заметил...: Скоро... отдохай много... Твоя кушь, кушь мало – подавая мне мёрзлую пампушку, произнёс он...» и т. д. [6]. Помогли Виктору Ивановичу и китайские рабочие из барака, и сменивший заболевшего проводника Лю Фанчан, и добрая старушка-китаянка с её красавицей невесткой из убогой фанзы, и Аввакум Елиазарович, добрый человек с лошадкой и телегой, ехавший по дрова, и его жена, жизнерадостная женщина Прасковья Капитоновна, и кореец Борис Ким, оказавшийся в банде хунхузов, и начальник

станции, и, наконец, славная девушка Зорика. Другие беженцы вспоминают добрым словом Беженский Комитет – *«Вечно Бога молить будем за Беженский Комитет. Много помогает он: спасает людей от смерти...»*.

Судьба беженцев – *«...волной беженской из России выбросило... революция разбросала по всему свету... брожу по свету – ищу детей своих... в дороге ежеминутно дрожать за жизнь приходится... в дороге сколько горя перенёс и опасностей пережил... Ни одна партия беженцев не проходила границу без человеческих жертв. Вся тридцативерстная полоса у границы усеяна трупами наших русских людей.... Через тонкое полено поперёк... грудью вверх лежал замёрзший труп молодой женщины... некоторые части тела были объедены (волки)... Всех нас ждёт горькая участь... на чужой стороне. Я тоже похоронила двоих любимых маленьких деток, не досмотрела: под телеги беженские попали. И не забыть никогда утери такой... У каждого из нас русских беженцев есть немало горя великого и скорби душевной... Если хотите увидеть своих беженцев, то можно будет пойти к поезду – очень часто их высылают на Гродеково пойманных в сопках и в Пограничной. Сколько плачут, истерики, а некоторые прямо тут же хотят покончить с собой... У всех вид измученный, ужасный, у женщин были заплаканные глаза... Освободите нас! ... Нас там (в СССР) убьют, расстреляют... Горе наше... За что нас Бог так наказывает... страдальцы русские...» [6].*

Микротемы связаны между собой такими категориями текста (по А. Ф. Папиной), как участники события, само событие, время, пространство (место), результат, оценка, которые образуют семантическое пространство текста повести, способствуют организации цельности, единства произведения и подчинены главной **теме**. При этом автор порождает у читателя и фиксирует в его памяти один и тот же образ беженца с помощью повторения однокоренных слов с наименьшим изменением семантики. В тексте эти ключевые слова (бегство, беженцы и т.д.) актуализируются автором более 60 раз, обнаруживая тем самым авторскую интенцию, коммуникативную стратегию развёртывания текста, и являются доминантами.

В лингвистике существуют разного рода описания функций повторов. В. А. Мальцев отмечает, что повторы преодолевают линейность текста. А. П. Сковородников подчеркивает, что повторы выделяют главную идею, существенные детали, рему высказывания и т. д. Повтор как способ создания смысловой целостности художественного текста отмечается в работах И. Я. Чернухиной и И. В. Арнольд, у И. Р. Гальперина как способ детализации основного содержания. В повести А. Светланского повторы, а их здесь несколько видов, осуществляют связь и передачу содержательной информации и являются скрепами текста. В тексте повести встречаются и полные повторы (слово «*беженцы*» встречается 28 раз), и парадигматические (одни и те же слова в измененной грамматической форме), и деривационные повторы (однокоренные слова, представляющие собой разные части речи – *бег, бежал, беженский*), и синонимические «*уничтожают – убивают, расстреливают, антихристы – безбожники, раскидало – разбросало, исколесил – объехал, усилил ход – поспешил – ускорил шаг, омывает – орошает, Русь Святая – Россия – Родина, Китай – Поднебесная Республика, Богу душу отдал – помер, миновать – пройти, дурно – плохо, дикие – озверели, страдания – мучения – горе – участь горькая и т.д.*», и антонимические повторы (*горе – радость, красивый – ужасный, страшный, голодать – съесть много, жить – помирать, назад – вперёд, старушка – девушка, устать – отдохнуть, подняться – спуститься, голубчик – гадина, нищие – богатые*) [6].

Присутствуют в тексте и грамматические повторы, точнее местоимённые (я, мы), которые осуществляют и морфологическую, и содержательную связность частей текста. Известно, что повторные слова в тексте, по Ю. М. Лотману, свидетельствуют «о более сложном, хотя и едином смысловом содержании» [7, с. 158-159]. Все выявленные в ходе лингвистического анализа повторы текста повести А. Светланского помогают сосредоточить внимание читателя (а внутри повести – слушателя) на авторском видении ситуации, героев, места, времени и создают эмоциональное напряжение, сопереживание. Кроме того, они осуществляют сквозную связь всего текста. Повторы осуществляют здесь номинативную, когнитивную и экспрессивно-эмоциональную функции при восприятии

семантического содержания информации дискурса или связного рассказа, повествования.

Макрорема, равно как и **макротема** данного произведения, также задана уже в названии повести, в заглавии – *из рая*. «Рема имеет двойную функциональную направленность: внутри предложения она противопоставлена **теме**, соединяя исходную и новую, коммуникативно значимую информацию в коммуникативном акте; за рамками предложения **рема** данного предложения вступает в смысловые отношения с **ремами** соседних предложений, создавая **рематическую** доминанту текстового фрагмента, сигнализирующую его семантическую общность и способствующую членению текста» [5, с.131].

Бежать можно откуда угодно, но не из рая, из него можно только быть изгнанным, здесь же бегут из «советского рая». Большевики обещают «*у нас рай земной скоро будет*», по рассказам же беженцев складывается картина ада, а не рая. **Макрорема** отсылает нас к эпизоду библейского предания из книги Бытия, следующего за грехопадением Адама и Евы, прародителей человечества, за что Бог изгнал их из Эдемского сада.

Уместными здесь кажутся слова польского сатирика прошлого века Владислава Гжещика: «Человек был создан для жизни в раю. А в этом мире он – беженец».

Согласно дискурсу с рядом выделенных **микротем**: 1. Причины бегства героя и всех беженцев; 2. Сам процесс бегства; 3. Гонители, преследователи беженцев; 4. Проводники и помощники беженцев; 5. Судьба беженцев считаем возможным выделить и описать наличие **микрорем**: 1. Бывший рай; 2. Изгнание из рая; 3. Настоящий «рай» (т.е. Китай); 4. Антихрист – гонитель из рая.

Выделяемые **микроремы** как составные элементы **макроремы из рая**, вербализованы следующими текстами:

1. Бывший рай – «*Вернуться бы на Родину – Русь Святую скорей... Из Петербурга, голубчик. Председателем судебной палаты служил... Грамоте большой он учился. К высшей квалификации специалистом причислен был. Должности большие занимал... Я оглядывался назад и припоминал оставляемые позади местности... Жалко мне было... Главной красивой улицы большого Приморского*

города, где я проводил большую половину свободного своего времени, купанья морского, коим я пользовался почти до пяти месяцев в году... Старик – отец мой... Наживал всё... денежку копил... нас сыновей вырастил, выучил малость... домик хороший с усадьбой красивой отстроил... скотинкой хорошей, породистой обзавёлся... Всем известно, господа, какой процент крестьянского населения имела Россия...» [6].

2. Изгнание из рая – «Революция нас русских людей разбросала по всему свету. Кто куда успел. Спаслись бы где-либо... Миллионы лучших русских людей уничтожаются всякими способами и мерами, какие только могут быть придуманы большевистскими главарями в интересах удержания власти в своих руках. А сколько бегут. Бежал, вот, я сам...» и т.д. [6].

3. Настоящий «рай» (Китай) – «Здесь вот за Сунгари у добрых людей уголок нашёл... Здесь хорошо был принят... Русских людей здесь принимают и жить им дают... Радость в душе моей промелькнула: на свободе – в Поднебесной Республике – в Стране Величавого Народа... Полный противоречий Харбин показывал своё лицо... Уверенно и самодовольно выглядывали из машин разбогатевшие китайские купцы... Равнодушно и презрительно проезжали, сами управляя машинами иностранцы... Наёмные форды... подвозили семьи русских коммерсантов... У входа в Яхт-Клуб стояла толпа нищих...» и т.д. [6].

В данном эпизоде чувствуется скрытая горькая ирония автора – не соотносится «толпа нищих» с приобретенным «раем». Встретили эмигрантов в Китае и отрицательные стороны китайской действительности: суровый закон Поднебесной, «свои» сограждане в лице представителей русского консульства, которые пытались возвращать беженцев в СССР, безработица, чужая культура и язык, сумбейцы, хунхузы, позже японские оккупанты и проч.

4. Антихрист – гонитель из рая: его представляют в повести «большевистские главари... А антихристы (большевики), день и ночь сговариваются: уничтожить бы скорее всё живущее теперь и насадить новое... Истерики женицин, проклинавших антихриста, который, якобы, сотворил большевиков... и не понимают они хитросплетений антихриста...» и т.д. [6].

Отметим, что текстовые фрагменты *микротемы-3* перекликаются с таковыми *микротемы-4*. «Антихристами» названы те, кто сделал невыносимой жизнь миллионов людей после революции и вынудил их рассеяться по свету. Антихристами их называли беженцы и за богоборчество, за отрицание Бога, к сожалению, эта тема не раскрывается в повести. Сухие цифры статистики свидетельствуют: в СССР – тысячи расстрелянных священников всех конфессий, десятки тысяч разрушенных церквей и храмов, аресты, ссылки проповедников, уничтожение святынь, глумление над Библией, армия воинствующих атеистов и даже искусственное инспирирование раскола РПЦ.

Смысл этой *микротемы* – разлука с Богом, что, в принципе, и есть суть ада, ада беженцев. В воспоминаниях репатриантов из Китая, которые не попали в СССР в тюрьмы и выжили, описываются чувства пережитого ими настоящего шока от возвращения не на ту Родину, которую они когда-то покинули. Среди фактов окружающей советской действительности – пьянство, бедность, ненормативная лексика, неустроенность, грязь, враждебное отношение к вернувшимся эмигрантам и проч. Особо подчёркивается отсутствие религиозности у населения страны Советов.

В раскрытии *макротемы рай* А. Светланский использовал такой литературоведческий прием, как антитеза (от др.-греч. ἀντίθεσις «противопоставление»), т.е. прием, который сродни риторическому противопоставлению. Антитеза как яркая стилистическая фигура контраста в ораторской речи или художественной речи заключается в резком противопоставлении понятий, положений, образов, состояний, однако связанных между собой общей конструкцией или внутренним смыслом» [4, с. 10].

Писатели используют обычно антитезу для противопоставления двух героев, событий, предметов, состояний, явлений, противопоставлены могут быть разные качества одного героя, например в образе Раскольникова у Ф. М. Достоевского. В повести «Бегство из рая» автор посредством антитезы раскрывает образ России. Становится понятным, что царская Россия была раем для многих беженцев, а советская стала адом, из которого они бегут, спасая свои жизни и жизни своих близких в поисках другого рая.

ВЫВОДЫ

Из пяти основных *тема-рематических структур* в тексте повести выявлено употребление самой частотной из них, называемой *инкорпорированием*, где *ремы* по ходу повествования становятся последующими *темами*, т.е. все темы имеют *рематическую* природу.

Мы наблюдаем у А. Светланского использование нескольких *микротем* и *микрорем*, создающих «*дисконтинуум*, т. е. соединение нескольких миров в одну цельную, но сложную картину» [11, с. 54].

Символично, что среди нескольких лодок на берегу писатель упоминает в зачине повести только две, названные «Родина» и «Беженка», что является рефреном заданных в заглавии «Бегство из рая» *темы и ремы*.

Повесть Анатолия Светланского «Бегство из рая» является автобиографическим произведением – настолько подробно излагаются здесь детали бегства, как будто автор описывает свою судьбу, факты своей биографии. «Образ автора» легко угадывается в тексте через кодовый признак – субъективная форма 1-го лица местоимения Я и авторское МЫ. К сожалению, о самом А. Светланском ничего не известно, кроме того, что он – русский, эмигрант, при этом равнодушный к судьбе Родины, человек явно неробкого десятка, т. к. пишет в 1931 г. голую правду о Советском Союзе, подвергая себя «*величайшей опасности*» и открывая русским людям (читателям) то, «*что творится за занавесью*». Известно расхожее положение о том, что «эмигрантскую литературу и поэзия создала советская власть» [3, с. 7], субъективность которого очевидна.

Естественно ожидать от любого историко-культурного периода или эпохи культурной рефлексии в виде художественного произведения как «истинного носителя культуры» [8, с. 87].

Любое художественное произведение – это результат и духовной рефлексии художника, частный вариант концептуализации окружающего мира, индивидуально-авторская система взглядов на мир, которая может: а) отличаться от общечеловеческих, универсальных, б) совпадать полностью в) совпадать частично.

Анализируемая повесть, автор которой сам являлся беженцем, транслирует **концепты** русского мира – «Родина», «Судьба», «Человек», «Бог», «Вера», «Надежда», «Любовь», «Эмиграция» («Бегство», «Изгнание»), «Беженцы» («Эмигранты»), «Свобода», «Добро», «Зло», «Горе», «Тоска». Большинство из этих концептов является одновременно фундаментальным для русской культуры, а повесть, несомненно, имеет культурно-историческое значение и может найти запоздалый, но адекватный отклик и понимание современного читателя. Как известно, понимание художественного произведения меняется от эпохи к эпохе.

В перспективе целесообразно, во-первых, продолжить лингвистический анализ повести А. Светланского «Бегство из рая», точнее, провести контекстуальный анализ, семантический анализ концептов «движение», «бегство» и др., во-вторых, проанализировать глаголы движения от начала повествования до конца, провести их классификацию. В-третьих, определенный интерес представляет дискурсивный анализ произведений других, не очень известных русских писателей и поэтов, представителей восточной (китайской) ветви русской эмиграции.

Список литературы

1. Бахтин, М. М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках : Опыт философского анализа [Текст] / Бахтин М. М. // Русская словесность : Антология / под ред. проф. В. П. Нерознака. – М. : Academia, 1997. – С. 227–249.
2. Болотнова, Н. С. Филологический анализ текста : учеб. пособие [Текст] / Н. С. Болотнова. – 4-е изд. – М. : Флинта : Наука, 2009. – 520 с.
3. Витковский, Е. В. Вступительная статья к «Антологии поэзии русского зарубежья». «Мы жили тогда на планете другой» [Текст] / Е. В. Витковский. – М. : Московский рабочий, 1995. – 496 с.
4. Жамсаранова, Р. Г. Особенности представления образа Родины в повести Анатолия Светланского «Бегство из рая» / Р. Г. Жамсаранова // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2019. – № 5(105). – С. 35–42.

5. Золотова, Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка [Текст] / Г. А. Золотова. – М. : Наука, 1973. – 351 с.
6. Литература русских эмигрантов в Китае. Т. 10. Сладкое или горькое [Текст] / Главный составитель Ли Янлен. – Пекин : Изд-во «Китайская молодежь», 2005. – 500 с.
7. Лотман, Ю. М. Структура художественного текста [Текст] / Ю. М. Лотман. – М. : Искусство, 1970. – 384 с.
8. Маслова, В. А. Лингвокультурология : Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений [Текст] / В. А. Лотман. – М. : Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.
9. Москальская, О. И. Грамматика текста (Пособие по грамматике немецкого языка для ин-тов и факультетов иностранных языков) [Текст] / О. И. Москальская. – М. : Высшая школа, 1981. – 183 с.
10. Николаева, Т. М. Краткий словарь терминов теории текста [Текст] / Т. М. Николаева // Лингвистика текста / Отв. ред. Т. М. Николаева. – М. : Прогресс, 1978. – 479 с.
11. Папина, А. Ф. Текст : его единицы и глобальные категории [Текст] / А. Ф. Папина. – М. : УРСС, 2002. – 368 с.
12. Benveniste E. On Discourse. The Theoretical Essays: Film, Linguistics, Literature. Manchester: Manchester Univ. Press, 1985. 152 p.

References

1. Bakhtin M. M. *Problema Teksta v Lingvistike, Filologii i Drugikh Gumanitarnykh Naukakh: Opyt Filosofskogo Analiza. Russkaya Slovesnost': Antologiya*. [The Problem of the Text in Linguistics, Philology and Other Humanities. Experience of the Philosophical Analysis. Russian Literature. Anthology]. Ed. by prof. V. P. Neroznak. Moscow: Academia Publ., 1997, pp. 227–249.
2. Bolotnova N. S. *Filologicheskii Analiz Teksta: Uchebnoye Posobie* [Philological Analysis of the Text. A Handbook]. 4th ed. Moscow: Flinta: Nauka Publ., 2009. 520 p.

3. Vitkovskii E. V. *Vstupitel'naya Statya k Antologii Poezii Russkogo Zarubezhya. My Zhili Togda na Planete Drugoi* [Introduction to the Anthology of Russian Emigrant Poetry. When We Lived on the Other Planet]. Moscow: Moskovskii Rabochii Publ., 1995. 496 p.
4. Zhamsaranova R. G. *Osobennosti Predstavleniya Obraza Rodiny v Povesti Anatoliya Svetlanskogo Begstvo iz Raya* [Peculiarities of the Image of Motherland in the Story Escape from Paradise by Anatolii Svetlanskii]. *Vestnik Chuvashskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta Im. I. Ya. Yakovleva*, 2019, no 5(105), pp. 35–42.
5. Zolotova G. A. *Ocherk Funktsionalnogo Sintaksisa Russkogo Yazyka* [Essay on the Functional Syntax of the Russian Language]. Moscow: Nauka Publ., 1973. 351 p.
6. *Literatura Russkikh Emigrantov v Kitae. Tom 10. Sladkoe ili Gorkoe* [Literature of Russian Emigrants in China. Volume 10. Sweet or Bitter]. Comp. by Li Yanlen. Beijing: Kitaiskaya Molodezh' Publ., 2005. 500 p.
7. Lotman Yu. M. *Struktura Khudozhestvennogo Teksta* [Structure of the Literary Text]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1970. 384 p.
8. Maslova V. A. *Lingvokulturologiya: Uchebnoye Posobie dlya Studentov Vysshykh Uchebnykh Zavedenii* [Linguoculturology. A Handbook for Students of the Universities]. Moscow: Akademiya Publ., 2001. 208 p.
9. Moskal'skaya O. I. *Grammatika Teksta (Posobie po Grammatike Nemetskogo Yazyka dlya Institutov i Fakultetov Inostrannykh Yazykov)*. [Grammar of the Text (A Handbook of German Grammar for the Universities and Faculties of Foreign Philology)]. Moscow: Vysshaya Shkola Publ., 1981. 183 p.
10. Nikolaeva T. M. *Kratkii Slovar Terminov Teorii Teksta. Lingvistika Teksta* [A Short Dictionary of Theory of the Text Terminology. Linguistics of the Text]. Ed. by T. M. Nikolaeva. Moscow: Progress Publ., 1978. 479 p.
11. Papina A. F. *Tekst: Ego Edinitsy i Globalnye Kategorii* [The Text, Its Items and Global Categories]. Moscow: URSS Publ., 2002. 368 p.
12. Benveniste E. *On Discourse. The Theoretical Essays: Film, Linguistics, Literature*. Manchester: Manchester Univ. Press, 1985. 152 p.

**ANATOLY SVETLANSKY'S "ESCAPE FROM PARADISE" STORY:
THEME-RHEME COHERENCE OF THE TEXT**

Zhamsaranova R. G., Kim N. V.

The article is devoted to one of the directions of the discourse analysis of the text – the semantic aspect, namely the verbalization of the theme-rheme coherence of the text of the novel "Escape from Paradise" by the writer of the eastern branch of Russian emigration Anatoly Svetlansky. The macrotheme (escape) and macrorheme (from paradise) are already set in the title of the story and in the beginning, and are divided into components of microthemes and microrhemes, which are constantly intertwined, while maintaining the main macrotheme and macrorheme. Of the five topic-rheme structures, we see the incorporation in the text when the rheme of the previous statement becomes the topic of the next statement, therefore all microthemes are of a rhematic nature. To reveal the idea of the work and for the theme-rheme connection of the narrative, the author uses five text-forming categories: participants of the event, event, place, time, rating. Different kinds of repetitions: full, paradigmatic, derivational, synonymic, antonymic, grammatical, do not lead to tautology, but, on the contrary, to semantic diversity, contribute to the formation of the connection series of macrothemes and macrorhemes, increase the concentration of thought, reveal the author's intention. Fundamental to the Russian language picture of the world, the concepts of "Homeland", "God", "Man", "Fate", "Good", "Evil", "Faith", "Hope", "Love", "Exile", "Flight", "Longing", "Woe" connect the text into a single whole, allow you to understand the aesthetic meaning of the text of the story and understand the artistic world and idiosyncrasy of the author. **Keywords:** discourse analysis, theme-rhematic coherence, verbalization, theme, rheme, incorporation, escape, paradise.